

Хуа Мянью уже не было сил поправлять его странные, вычурные выражения. Какую «густую ауру» можно учуять от реквизита съемочной группы? Разве что запах невысохшей краски? Впрочем, если подумать, она целыми днями пропадает в фургоне с реквизитом, так что неудивительно, что от нее исходит такой аромат...

— Тогда... я только что слышал, как ты искала место для ночлега.

— Да.

— Разве съемочная группа не предоставляет жилье?

— Что такое «Цзюй-цзу»? Лидер местных племен?

— ...

У Хуа Мянью разболелась голова. Она уже открыла рот, чтобы ответить, как вдруг в воздухе раздалось странное урчание. Она на мгновение замерла, невольно подняв глаза на серьезного и статного мужчину перед собой... Последовала неловкая, мертвая тишина. Ее взгляд метнулся в сторону, а личико быстро спряталось за шарфом.

Шарф надежно скрыл уголки ее губ, которые невольно поползли вверх.

Но черные глаза, изогнувшиеся в улыбку, выдавали ее.

Она вдруг почувствовала, что этот странный человек уже не кажется ей таким уж пугающим.

— Тогда, э-э, держи, — Хуа Мянью протянула ему обеими руками свой обед. — ...Как же так, ваша съемочная группа даже питание не обеспечивает?

Сюань Цзи молча смотрел на еду в странном контейнере. И правда, с момента прибытия в этот мир он не проглотил ни крошки. Хотя он был сильным воином и мог долго обходиться без еды, все же... человек как сталь, а еда как железо, и он не был небожителем, способным питаться росой и эфиром.

Взглянув на застенчивую девушку, мужчина помедлил, но принял подношение:

— Благодарю вас, госпожа.

...Если бы его приближенные увидели, как их глава, всегда отличавшийся чрезмерной осторожностью и никогда не принимавший еду или питье из чужих рук, так легко согласился на подачку от этой незнакомки, у них бы челюсти отвисли до самой земли.

Хуа Мянь наблюдала, как он берет еду. Ее руки беспомощно дернулись в воздухе, потом она прижала их к груди, сплела пальцы, кончики которых нервно постукивали друг о друга, а затем сцепила их в тугий узел.

— Тот самый вопрос... у меня еще один.

— ...

— Увидев меня тогда, почему вы сразу отвернулись и ушли?

...А.

Этот вопрос.

Все-таки она спросила.

Сюань Цзи опустил голову, глядя на девушку. Его лицо было спокойным, как вода:

— При наших встречах вы всякий раз выглядели испуганной. Я — человек грубый, боюсь, что своей неуклюжестью снова напугаю вас, поэтому решил просто не попадаться на глаза.

Хуа Мянь:

— ...

Он боялся, что напугает ее.

Лицо девушки слегка приподнялось, глаза медленно расширились, а рот приоткрылся от внезапного изумления. Когда она застыла в этой нелепой позе, не в силах скрыть шок, Сюань Цзи нахмурился:

— Я сказал что-то не то?

Голос мужчины был низким. Он заметил, как она замерла, словно пытаясь переварить его слова, а затем затрясла головой, как игрушка-болванчик, отчаянно отрицая:

— Нет.

Не ты сказал что-то не то.

Это со мной что-то не так.

На самом деле, она и сама ненавидела в себе эту черту: неспособность сказать что-то прямо, вечная трусость, отстраненность от всех... Она хотела бы нормально общаться с людьми, но просто не знала, с чего начать.

Когда родилась Хуа Мянью, она была похожа на маленького недокормленного котенка, плакала тихо и тонко, совершенно не выделяясь среди других младенцев в палате.

Ее мама говорила так, а папа в это время читал газету и лишь криво улыбался, не зная, что с этим делать.

Не бери в голову, Хуа Мянью. На Земле миллиарды людей, и характеры у всех разные... Нигде не написано, что в этом мире нет места для интровертов.

Да, именно так говорили родители. Она с детства была замкнутой и робкой.

В детском саду, вместо того чтобы общаться со сверстниками, она предпочитала сидеть в углу с игрушками, и воспитатели хвалили ее за то, что она спокойная и послушная.

В начальной школе у нее появились новые увлечения. Она часто подолгу сидела у клумбы, наблюдая за бабочками. Хуа Мянью считала, что в этом нет ничего плохого, пока однажды, открыв пенал, не обнаружила там гусеницу...

Тогда она так испугалась, что едва не упала в обморок.

После уроков мальчика, подложившего гусеницу, отчитывали учитель и родители. Стоя в толпе, Хуа Мянью видела, как он рыдал и оправдывался: Я думал, ей нравятся насекомые, я просто хотел поиграть...

Именно тогда она осознала, что ее замкнутость может косвенно причинить вред другим.

К средней школе она научилась осторожно держаться в тени, стараясь уйти раньше, чем успеет кому-то помешать.

В старших классах ее существование в классе сводилось лишь к имени в списке и месту за партой. Самое яркое воспоминание — ночь Хэллоуина во втором классе, когда весь класс устроил битву кремом и водой. Пока все носились по кабинету, переворачивая парты, в самом центре класса, за идеально чистой партой, спала девушка в опрятной школьной форме, прикрыв голову раскрытой книгой.

Все, кто уже обезумел от веселья, молча обходили ее стороной.

Проходящие мимо ученики из соседних классов шептались: Черт, это что за фея спустилась к вам из другого мира?

В выпускном классе она взяла в руки кисть, став ученицей художественного направления, ведь студия была самым тихим местом в школе — нет ничего успокаивающего, чем звук угольного карандаша, скользящего по бумаге.

В университете она решила связать жизнь с предметами, выбрав специальность по художественному оформлению кино.

...Так она встала на путь Дораэмона без голоса.

Мир взрослых требует социализации — в итоге Хуа Мянью стала для всех странной.

Су Янь однажды осторожно спросила, не случилось ли в детстве чего-то плохого, что сделало ее такой. Хуа Мянью лишь безмолвно покачала головой: она просто не знала, как общаться. Она сторонилась людей, чтобы не причинить им вреда и защитить себя.

Су Янь сочла логику Хуа Мянью трогательной, но саму Хуа Мянью до сих пор преследовал образ того пухлого мальчика, который рыдал перед учителями и родителями. Тогда, стоя в стороне, она чувствовала себя виноватой, хотя всего лишь испугалась гусеницы.

А в сравнении с людьми — вещи не имеют чувств, их нельзя обидеть. Это прекрасно. Поэтому Хуа Мянью предпочитала проводить время среди предметов, притворяясь, что она одна из них, и при этом у нее даже была отличная репутация.

...Как бы то ни было, с самого рождения, казалось, никто, кроме этого мужчины, не мог так быстро осознать ее страх перед общением и, прежде чем она успела отстраниться, сам отойти в сторону.

Может, это прозвучит странно, но у Хуа Мянью защемило в носу от благодарности.

Поэтому, под любопытным, молчаливым взглядом мужчины, она сжала руки перед грудью, низко поклонилась, почти до колен, и, запинаясь, пробормотала спасибо, собираясь сбежать.

— Постой.

— ...

Хуа Мянью, уже готовая сорваться с места, замерла и растерянно обернулась. Мужчина смотрел на нее:

— Не знаю, за что вы благодарите, но если уж благодарите, то лучше делать это с улыбкой — так искреннее.

— ...

Улыбкой?

— Я имею в виду искреннюю улыбку.

— ?

— Девушка, вы ведь наверняка красиво улыбаетесь.

— ...

Словно гром среди ясного неба ударил ее прямо в макушку. Хуа Мянью подняла руку, касаясь горящего лба, и в панике закружилась на месте. Ее лицо покраснело, как у вареной креветки!

— Поняла, — пропищала она, как комар, и торжественно кивнула. — Спасибо.

...Она уже не знала, который раз за день благодарит. Когда Сюань Цзи разобрал ее бормотание и поднял голову, она уже натянула шарф до самых глаз и, сгорбившись, помчалась прочь, словно муха без головы.

Сюань Цзи:

— ...

Вторая половина дня. Фургон с реквизитом.

Девушка на маленькой табуретке сидела почти неподвижно... если не считать того, что она все еще дышала.

Солнечный свет падал из окна, освещая ее лицо, на котором были видны мельчайшие пушинки. Перед ней стояло зеркало, закрепленное на стуле повыше.

Хуа Мянью опустила глаза, внимательно изучая свое отражение: глаза круглые, нос довольно прямой, рот небольшой...

Она оскалилась.

М-м. Нет, зубы не торчат.

Она ткнула пальцем в щеку и серьезно подумала: наверное, я не такая уж уродливая?

Девушка, вы ведь наверняка красиво улыбаетесь.

Хуа Мянь:

— ...

Она сжала челюсти, изо всех сил приподняла уголки губ, обнажая белые зубы... Упс, кажется, она стала похожа на Чеширского кота из Алисы в Стране чудес.

Так. В интернете вроде бы учили, как улыбаться естественно: кончиком языка упереться в верхнее небо, слегка приподнять уголки губ, а потом...

Что это за похотливая ухмылка?!

Хлоп! Она опрокинула зеркало, уткнулась лицом в руки, лежащие на стуле, и замерла в полном унынии.

— Обманщик.

...Живот, как же хочется есть.

Все потому, что она отдала обед этому подозрительному типу.

В этот момент дверь фургона отворилась. Су Янь просунула голову внутрь и увидела Хуа Мянь, сидящую на табуретке в странной позе.

— Хуа Мянь? Ты чего?

— ... — Девушка пошевелилась, подняла голову, растрепав длинные волосы, и посмотрела на Су Янь, стоящую против света. — Су Янь.

Атмосфера была напряженной. Су Янь вцепилась в дверь, подавляя желание сбежать:

— А?

— ...Я, — Хуа Мянью опустила глаза, — я красивая?

Су Янь:

— ...

О боже мой. Небо упало на землю.

После того как Хуа Мянью задала вопрос, она сама сочла это абсурдным и хлопнула себя ладонью по лицу... Су Янь, закатив глаза, забралась в фургон, порылась в ящиках, достала коробку с булавками и, взглянув на Хуа Мянью, серьезно ответила:

— Вообще-то ты очень даже симпатичная. Не только Ван из костюмерного отдела к тебе равнодушен, многие ребята на тебя засматриваются... Ван просто оказался самым смелым и упертым. Если бы ты каждый день не молчала как рыба, у тебя бы уже двое детей было.

— ...Ты просто хочешь меня утешить.

Хуа Мянью убрала руки, покраснев, и прошептала. Ее глаза блестели — казалось, она была рада, даже если ее обманывали.

— Я не вру. Твое фото со спины, когда ты стояла рядом с Бай И утром, перепостили кучу раз... В сети все обсуждают, кто ты такая, называют убийцей сердец, девушки от зависти с ума сходят. — Су Янь огляделась и остановила взгляд на Хуа Мянью. — Кстати, костюмы для массовки, которые взяли в аренду, оказались велики, нужно подогнать булавками. Поможешь?

Преимущество съемок в кинобазах в том, что если не стремишься к идеалу, то большую часть реквизита можно арендовать. Например, костюмы для массовки. Их подгоняют булавками, ведь массовку снимают общим планом, и в глаза это не бросается.

Хуа Мянью, чья смена как раз была после обеда, молча кивнула, надела маску и выскочила из фургона, побежав за Су Янь к съемочной площадке.

На площадке режиссер был в ярости из-за задержки костюмеров. Увидев Су Янь с булавками, он просиял, а заметив за ее спиной Хуа Мянью, расплылся в улыбке:

— О, Дораэмон пришел!

Режиссер говорил в рупор, не выключив его... Толпа обернулась и рассмеялась, увидев, как Хуа Мянью резко затормозила.

Кто-то из ее студии заступился за нее:

— Режиссер Го, вы же знаете, как она этого боится, не издевайтесь! Если она снова сбежит в фургон, кто нам декорации будет делать? Вчерашняя голова дракона была просто шедевр!

Хуа Мянью:

— ...

Толпа:

— Ха-ха-ха-ха!

Режиссер Го, поняв, что рупор включен, почесал затылок и смущенно улыбнулся.

Хуа Мянью знала, что он не со зла, поэтому вежливо кивнула и направилась к массовке. Нужно было подогнать костюмы многим актерам — кажется, сцена битвы требовала большого количества людей.

Хуа Мянью работала быстро. Она подошла к группе мужчин, стоявших в углу.

Она обошла первого, в три счета закрепила булавкой слишком широкий костюм и перешла к следующему.

Так она дошла до последнего — крепкого мужчины лет тридцати-сорока, который громко хвастался своими подвигами. Хуа Мянью подождала, пока он закончит, и прошептала:

— Дяденька, не двигайтесь, пожалуйста...

Пока она подкалывала складки, мужчина продолжал жестикулировать, рассказывая, как он в одиночку справился с девятью противниками. Хуа Мянью, стараясь не попасть под его руки, заколола булавку, но в этот момент он резко вскинул руку, выкрикнув: «Я как дам ему в челюсть!»

Хуа Мянью вздрогнула, рука дрогнула — и раздался вопль.

Она случайно уколола его булавкой.

Хуа Мянь:

— ...

На съемках случается всякое, но этот мужчина, который минуту назад хвастался, как его преследовали с ножами по всему городу, теперь орал так, будто у него отрезали кусок мяса!

— Ты как работаешь?! Глаза разуй! А эта булавка вообще чистая?

— П-простите.

— Одним «простите» не отделаешься! А если столбняк? Девушка, нельзя так относиться к массовке! Мы, конечно, не звезды, но не позволяли себя так унижать!

— ...

Вокруг собиралось все больше людей. Под маской лицо Хуа Мянь горело от стыда.

Она же просила его не двигаться, она не хотела его обидеть, он сам не мог устоять на месте... Но под пристальными взглядами окружающих слова застряли у нее в горле. Она могла лишь стоять, сжимая булавку, не зная, что делать, выглядя потерянной и обиженной.

— ...Что здесь происходит?

В углу, закутавшись в толстую куртку, Бай И приоткрыл глаза. Увидев в толпе девушку в черной маске с полными слез и растерянности глазами, он тут же вскочил.

Его менеджер прижал его к стулу:

— Старина Бай, ты куда?

— Пойду посмотрю, что там.

— Сиди. В массовке всякий сброд, может, он просто денег хочет срубить. Не лезь в это, еще обвинят в издевательствах над актерами... Это же декоратор, ее студия сама разберется.

Бай И не двигался, но его взгляд был прикован к толпе.

Вдруг толпа расступилась.

Из-за спин людей вышла высокая фигура в черном. Мужчина подошел к кричащему мужчине и, когда тот снова замахнулся на Хуа Мянь, крепко перехватил его запястье.

Мужчина был невозмутим. Его черные глаза едва заметно блеснули, а голос звучал холодно:

— Уважаемый, эта девушка уже сказала, что не хотела этого... К тому же, в бою всякое бывает, и игла — не исключение. Вы сами постоянно двигались, хотя вас предупредили. Как это может быть только ее виной?

...Этот человек появился бесшумно, никто даже не заметил, откуда он взялся.

<http://bllate.org/book/21766/2250914>